Кирилл Валентинович Рудый (Kiryl Valentinovich Rudy)*

О некоторых вопросах политической экономики в славянских странах

Some Issues on Political Economy: Evidence from Slavic Countries

<https://doi.org/10.1515/cjss-2021-2001>

Published online September 8, 2021

Аннотация: Это междисциплинарное политэкономическое исследование проведено на примере славянских стран за период с 1991 по 2019 гг. Общих правил влияния электоральных периодов на экономическую политику и экономического роста на политические предпочтения для всех славянских стран установлено не было. Но, выявлен ряд особенностей: а) в славянских странах по сравнению с неславянскими странами с транзитивной экономикой в электоральные периоды наблюдалась более высокая инфляция, а также более активное использование денежной массы и бюджетных инструментов; б) в славянских странах в меньшей степени, чем в неславянских странах отмечалось влияние экономического роста на предпочтения политической системы «экспертов»; в) в восточнославянских странах Беларуси, России, Украины не было найдено общей политэкономической компоненты, но наблюдались особенности влияния экономических и политических событий на политические предпочтения.

Ключевые слова: экономический рост, политические циклы деловой активности, политическая экономия, экономическая политика, славянские страны

Abstract: This interdisciplinary research in political economy was based on the cases of Slavic countries from 1991 to 2019. There was no strong evidence of common rules for all Slavic countries regarding how electoral periods influenced economic policy, and economic growth affected political preferences. But, some features were found: a) there was higher inflation and more active usage of

*Corresponding author: Кирилл Валентинович Рудый, профессор, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь, E-mail: kvrudy@gmail.com

monetary base and budgetary instruments in electoral periods in Slavic countries in comparison with non-Slavic transition economies; b) Slavic countries faced lower economic growth influence on political preferences of “experts” than non-Slavic countries; c) no evidence of common political economy component was found in East-Slavic countries like Belarus, Russia, and Ukraine, but some features of political and economic events affecting political preferences were witnessed there.

Keywords: economic growth, economic policy, political business cycles, political economy, Slavic countries

1 Введение

Политическая экономия, получившая известность еще в XIX в. благодаря британским ученым-экономистам Д. Рикардо и Дж. Миллю, по-прежнему востребована, но уже не для решения потерявших актуальность вопросов колониальной торговли (Ricardo, 1908, с. 325) или рабства (Mill, 1909, с. 151), а для ответов на вопросы, как экономический рост влияет на политическую систему (Lipset, 1959), или как меняется экономическая политика под влиянием электоральных периодов (Alesina, Cohen, & Roubini, 1992). В последнее десятилетие интерес к политической экономии увеличился вместе с ростом политического и экономического популизма в ряде стран (Guriev & Papaioannou, 2020), восприятием политиков как экономистов и ожиданием от них постоянного роста благосостояния общества (Sandel, 2020, с. 19). В этом контексте среди ученых-экономистов вновь стали популярны междисциплинарные политэкономические исследования с использованием статистического моделирования (Фриден, 2020), в т.ч. для выявления межстрановых особенностей.

Славянские страны в постсоветский период представляют интерес для политэкономистов ввиду наблюдаемой схожести проводимых там политических и экономических реформ, сложности, гибридности и переплетения их политических и экономических систем. Раздельный взгляд на социально-экономические, политические, институциональные, культурные и иные процессы в трансформационных странах справедливо критикуется рядом ученых (Бузгалин & Колганов, 2016) и в качестве альтернативы предлагается системный подход к таким исследованиям (Клейнер, 2015, 2016). В политэкономии славянские страны изучаются, как правило, по отдельности или в группе, но для выявления не их славянских особенностей, а скорее общей специфики политэкономической трансформации в этих странах, например, при проведении структурной

экономической политики (Nusinovic & Teodorovic, 2002, с. 317), финансовой (Mramor & McGoun, 2002, с. 337), налоговой (Hauptman, Kubicova, & Rudy, 2006, с. 2), денежно-кредитной (Johnson, 2016), или в целом при оценке скорости и направлений реформ (Djankov, 2014, с. 135, Havrylyshyn, 2014, с. 165). Исследования политической экономии славянских стран являются междисциплинарными не только в среде политологов-экономистов, но и историков-славистов (Улунян, 2020).

Размышляя над политэкономией славянских стран за последние три десятилетия, сложно дать им однозначную оценку и назвать их общие культурно-исторические, языковые и региональные компоненты.

Культурно-исторические связи славянских стран сегодня не определяют экономические и политические взаимоотношения этих стран. С экономической точки зрения, славянские страны, находясь на сопоставимом уровне экономического развития и в географической близости друг от друга, сближаются с крупными неславянскими странами с большими товарными и финансовыми рынками и более развитыми технологиями. К примеру, главным торговым партнером для западных и южных славянских стран сегодня является Германия, для восточных славянских стран – Россия (при этом опережающими темпами растет доля их внешней торговли с Китаем). С политической точки зрения, наблюдается заключение соглашений о стратегическом партнерстве и сотрудничестве славянских стран уже не только с близкими по культурно-исторической компоненте европейскими странами, но и с далекими в этом смысле державами, например, Польши с США, или Беларуси с КНР.

Языковая компонента славянских стран в последние годы демонстрирует противоречивые примеры то отдаления, то сближения ряда восточных славянских государств. Например, военный конфликт в Украине с 2014 г. до сих пор сопровождается использованием украинского языка как символа самоидентификации украинской нации, противопоставления русскому языку и через него влияния России (Arel, 2018; Pop-Eleches & Robertson, 2018). Другой пример – Беларусь. С одной стороны, под влиянием украинско-российского конфликта в Беларуси в 2014–2020 гг. белорусский язык приобрел более частое звучание, как на политическом уровне, например, при публичных официальных выступлениях, так и на бытовом уровне, к примеру, в сфере услуг (ресторанах, заправках). С другой стороны, с августа 2020 г. после поддержки Россией Беларуси в постэлекторальный период русский язык на политическом уровне и в СМИ вновь стал отыгрывать свои позиции у белорусского языка, став своего рода символом белорусско-российского политического сближения.

Региональная славянская компонента в настоящее время расщеплена на противоположные политэкономические векторы, когда западные и южные славянские страны ориентируются на Европейский союз, а восточные (кроме Украины) – на Евразийский экономический союз. При этом для западных и южных славянских стран, как и для других неславянских стран этого региона вступление в Евросоюз стало фактором, определяющим направление и скорость политэкономических реформ, стирая политэкономические отличия между славянскими и неславянскими странами-членами ЕС. Если взять, к примеру, 10 стран, ориентированных на ЕС, из которых 5 славянских стран (Болгария, Польша, Словакия, Словения и Хорватия) и 5 неславянских (Венгрия, Латвия, Литва, Румыния и Эстония), то в 2000-х гг. у них наблюдалась схожая динамика политэкономической трансформации. Все они (кроме Латвии), согласно индексу Европейского банка реконструкции и развития, ускоряли политэкономические реформы до вступления в ЕС, а после вступления – приостанавливали их, а некоторые и вовсе разворачивали их назад вне зависимости славянские это страны или нет (Рудый, 2015; EBRD, 2021).

С учетом изложенного, данное междисциплинарное исследование политэкономии славянских стран строилось на следующих аспектах.

Во-первых, славянские государства с политэкономической точки зрения являются транзитивным, поэтому для выявления их особенностей они сравнивались с неславянскими, которые находятся в схожих условиях, например, с государствами постсоветского блока. Также в связи с транзитивностью славянских стран наиболее подходящим периодом их исследования является 1991–2019 гг., т.е. после распада СССР и до политэкономических искажений 2020 г., вызванных пандемией коронавируса.

Во-вторых, для рассмотрения актуальных особенностей славянских стран исследование также проводится на среднесрочных данных в «доковидный» период 2017–2019 гг., а в некоторых случаях за 2010–2020 гг.

В-третьих, для выявления особенностей славянских стран с наименьшим влиянием на них политики Европейского союза здесь отдельно исследуются восточные славянские страны (Беларусь, Россия и Украина).

В-четвертых, из широкого спектра политэкономических направлений приоритетными в данном исследовании славянских стран определены два, наиболее точно, на наш взгляд, характеризующие как политика влияет на экономику, т.е. как меняется экономическая политика в электоральные периоды, и как экономика влияет на политику, т.е. как экономический рост влияет на политические предпочтения.

В первом случае в долгосрочном периоде (1991–2019 гг.) изучаются политические циклы деловой активности в славянских странах. Рассматривается, как меняется макроэкономическая ситуация, и какие экономические инструменты используют власти в этих странах под влиянием политических событий: в год политических выборов и в год после политических выборов. Предполагается, что в год выборов власти проводят проактивную экономическую политику, т.е. используют бюджетные, налоговые и денежно-кредитные инструменты для стимулирования экономического роста, снижения инфляции и безработицы, чтобы продемонстрировать результаты своей экономической политики. В свою очередь, гипотетически, в год после выборов у избранных властей снижаются стимулы демонстрировать успехи экономической политики, и они могут, например, сокращать бюджетные расходы, увеличивать налоговую нагрузку и допускать макроэкономические дисбалансы.

Во втором случае в среднесрочном периоде (2017–2019 гг.) оценивается, влияет ли (и если влияет, то как) экономический рост на политические предпочтения в славянских странах по сравнению с группой неславянских транзитивных государств. Предполагается, что изменения политических предпочтений могут стать предпосылками для политической турбулентности, а экономический рост здесь станет предиктором. Кроме того, на примере славянских стран за период 2010–2020 гг. рассматриваются «демократические ножницы», когда уровень демократии (оцененный соответствующим индексом) снижается, но одновременно растут демократические предпочтения населения, что также может служить предиктором политических волнений в обществе.

Данная работа состоит из нескольких частей: описание методик исследования, дискуссия по результатам исследования, как в целом по группе славянских стран, так и отдельно по восточным славянским государствам (Беларуси, России и Украине), а также выводы.

2 Методики исследования

При исследовании политических циклов деловой активности в 1991–2019 гг. в группу из 13 славянских стран были включены: Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Россия, Северная Македония, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. В тестовую группу для сравнения и выявления славянских особенностей включены 13 неславянских стран, которые одновременно проходят политэкономическую трансформацию: Албания, Армения, Азербайджан, Венгрия, Грузия,

Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Румыния, Узбекистан, Эстония. Кроме того, отдельно были проанализированы политические циклы деловой активности в трех восточных славянских странах (Беларуси, России, Украины) за 1992–2019 гг. для выявления их общей региональной компоненты и индивидуальных особенностей.

На этом этапе исследования применялся метод многофакторного линейного регрессионного анализа с помощью компьютерной программы SPSS Statistics. В экономической науке этот метод обоснован и часто используется в схожих политэкономических исследованиях (Persson & Tabellini, 2002; Brender & Drazen, 2004). Все отобранные страны рассматривались как парламентские и президентские, и оценивались в двух периодах: в год выборов и в год, следующий за выборами. При этом в парламентских странах для анализа использовались даты выборов в парламент, а в президентских – президента. Данные по выборам брались за 1991–2017 гг. из (Scartascini, Cruz, & Keefer, 2018) и за 2018–2019 гг. из (EG, 2021), экономические показатели из базы данных Всемирного банка (WB, 2021).

При построении статистической модели к зависимым переменным были отнесены показатели, характеризующие разные политические циклы деловой активности. Общий политэкономический цикл: *Econ_Gr* – прирост реального ВВП в %; *Unempl* – % безработных к общему числу трудовых ресурсов. Бюджетный: *Expens* – бюджетные расходы в % к ВВП; *Tax* – налоговые доходы в % к ВВП. Денежный: *CPI* – индекс потребительских цен в % (2010 = 100%); *Br_m* – денежный агрегат M_3 в % к ВВП.

В качестве независимых переменных в статистической модели использовались: *Lgdp_pc* – десятичный логарифм ВВП по паритету покупательской способности (далее – ППС) на душу населения в текущих международных долларах; *Tr* – сумма экспорта и импорта товаров и услуг в % к ВВП; *Pp15*, *Pp65* – два демографических показателя, характеризующих отношение численности населения младше 15 лет к населению в трудоспособном возрасте от 15 до 64 лет, а также отношение населения старше 64 лет к населению в возрасте от 15 до 64 лет; *GDP_HP* – циклическая составляющая в динамике реального ВВП, рассчитываемая как разница между десятичным логарифмом ВВП по ППС в текущих международных долларах и данным показателем, очищенным фильтром Ходрика-Прескотта; *ElecY* – булева переменная со значением 1 в год выборов, 0 – в иные года; *Elec(Y+1)* – булева переменная со значением 1 в следующий год после выборов, 0 – в иные года.

При исследовании влияния экономического роста на политические предпочтения за период 2017–2019 гг. с учетом доступных сопоставимых данных в группу славянских стран вошли 12 государств: Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Словения,

Таблица 1: Переменные статистической модели.

Характеристика переменной	Тип переменной	Переменная	Значения переменной
Политические предпочтения	Зависимая Y_1	Поддержка «сильного лидера» (биномиальная)	1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо». 0 – большинство остальных ответов.
	Зависимая Y_2	Поддержка «экспертов» (биномиальная)	1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо». 0 – большинство остальных ответов.
	Зависимая Y_3	Поддержка «военных» (биномиальная)	1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо». 0 – большинство остальных ответов.
	Зависимая Y_4	Поддержка демократии (биномиальная)	1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо». 0 – большинство остальных ответов.
Экономический фактор	Независимая X_1	Среднегодовой экономический рост	1 – до 2%, 2 – от 2 до 3%, 3 – от 3 до 4%, 4 – от 4 до 5%, 5 – более 5%.
Политические факторы	Независимая X_2	Уровень демократии	1 – низкий уровень демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – высокий уровень демократии.

Таблица 1: (continued)

Характеристика переменной	Тип переменной	Переменная	Значения переменной
	Независимая X_3	Демократия – это налогообложение богатых и субсидирование бедных	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_4	Демократия – это оказание государственной помощи при безработице	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_5	Демократия – это выравнивание государством доходов населения.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_6	Демократия – это свободные выборы лидеров.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4,

Таблица 1: (continued)

Характеристика переменной	Тип переменной	Переменная	Значения переменной
			5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_7	Демократия – это гендерное равенство.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_8	Демократия – это защита с помощью гражданских прав свободы человека от притеснения.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_9	Демократия – это подчинение людей властям.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.

Таблица 1: (continued)

Характеристика переменной	Тип переменной	Переменная	Значения переменной
	Независимая X_{10}	Демократия – это интерпретация религиозными властями законов.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.
	Независимая X_{11}	Демократия – это управление армии при некомпетентном правительстве.	1 – неважно для демократии, 2 – 2, 3 – 3, 4 – 4, 5 – 5, 6 – 6, 7 – 7, 8 – 8, 9 – 9, 10 – важно для демократии.

Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. Для сравнения использовались данные по 11 неславянским транзитивным странам: Албания, Армения, Азербайджан, Венгрия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Литва, Румыния, Таджикистан, Эстония. Кроме того, был проведен анализ взаимосвязи экономического роста и политических предпочтений отдельно в каждой из восточнославянских стран: в Беларуси, России, Украине за 1994–2019 гг.

Для оценки политических предпочтений использовались данные крупнейшего в мире социологического исследования Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) 7-й волны опросов, проведенных в 2017–2020 гг. для 23 отобранных стран (WVS, 2021). С учетом предложенной классификации одним из разработчиков Всемирного обзора ценностей социологом К. Вельцелем (Welzel, 2013), под политическими

предпочтениями в данном обзоре понимались отношения к четырем политическим системам (WVS, 2021).

1. «Сильный лидер» – наличие сильного лидера, которому не приходится беспокоиться о парламенте и выборах.
2. «Эксперты» – наличие экспертов, а не правительства, которые принимают решения так, как они считают лучше для страны.
3. «Военные» – управление страной военными.
4. Демократия – наличие демократической политической системы.

При этом, в разных странах, например, с учетом уровня развития там демократии люди по-разному понимают демократию. Во Всемирном обзоре ценностей, используемом здесь, респондентам предлагалось девять определений демократии (Таблица 1) (WVS, 2021): 1) налогообложение богатых и субсидирование бедных; 2) оказание государственной помощи при безработице; 3) выравнивание государством доходов населения; 4) свободные выборы лидеров; 5) гендерное равенство; 6) защита с помощью гражданских прав свободы человека от притеснения; 7) подчинение людей властям; 8) интерпретация религиозными властями законов; 9) управление армией при некомпетентном правительстве. На данном этапе исследования использовался метод бинарной логистической регрессии с помощью компьютерной программы SPSS Statistics, который применяется в междисциплинарных исследованиях в экономике и социологии (Santos & Martinez-Martinez, 2020; Рудый, 2021). В связи с этим, политические предпочтения были переведены в дихотомические переменные.

При построении статистической модели для оценки влияния экономического роста на политические предпочтения к зависимым переменным были отнесены: Y_1 – поддержка «сильного лидера» (биномиальная) со значением 1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо», 0 – большинство остальных ответов; Y_2 – поддержка «экспертов» (биномиальная) со значением 1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо», 0 – большинство остальных ответов; Y_3 – поддержка «военных» (биномиальная) со значением 1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо», 0 – большинство остальных ответов; Y_4 – поддержка демократии (биномиальная) со значением 1 – большинство ответов «очень хорошо», «достаточно хорошо», 0 – большинство остальных ответов. К числу зависимых переменных в данной модели были отнесены: X_1 – среднегодовой экономический рост со значениями 1 – до 2%, 2 – от 2 до 3%, 3 – от 3 до 4%, 4 – от 4 до 5%, 5 – более 5%; X_2 – уровень демократии со значениями от 1 – низкий уровень демократии до 9 – высокий уровень демократии; X_3 – X_{11} – изложенные выше девять определений демократии по

классификации Всемирного обзора ценностей со значением переменной от 1 – не важно для демократии до 10 – важно для демократии.

Статистические данные по показателю экономического роста использовались из базы данных Всемирного банка (WB, 2021), по показателю уровня демократии – из расчетов Economist Intelligence Unit (EIU, 2020); по показателям четырех политических предпочтений и девяти определений демократии – из Всемирного обзора ценностей (WVS, 2021). Для оценки наличия «демократических ножниц» в славянских странах использовались тренды за 2010–2020 гг. изменения уровня демократии по данным Economist Intelligence Unit (EIU, 2020) и уровня поддержки демократии по ответам «достаточно хорошо» и «очень хорошо» при проведении опроса в рамках Всемирного обзора ценностей (WVS, 2021). Оценка «демократических ножниц» осуществлялась на основе выборки из 11 славянских стран (Беларусь, Болгария, Босния и Герцеговина, Польша, Россия, Северная Македония, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Чехия), которая сравнивалась с выборкой из 11 неславянских стран (Албания, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Молдова, Румыния, Узбекистан, Эстония).

3 Политические циклы деловой активности в славянских странах

По итогам использования метода множественной линейной регрессии получены результаты для двух групп отобранных славянских и неславянских стран (Таблица 2).

Общим для славянских стран здесь является то, что сильной статистической взаимосвязи (с коэффициентом детерминации $R^2 > 0,7$) между электоральными и постэлекторальными периодами и макроэкономическими показателями, а также динамикой экономических инструментов выявлено не было. Это говорит о том, что славянские страны слишком разнообразны в своей экономической политике в периоды выборов, поэтому сложно сделать однозначный вывод о наличии у них общих политических циклов деловой активности. Вместе с тем, были выявлены некоторые общие особенности славянских стран, отличающих их от неславянских, с относительно высоким коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,5–0,6$), которые были перепроверены с помощью метода парной корреляции Пирсона.

Первая особенность славянских стран – снижение денежной массы в электоральный период. Наибольший коэффициент детерминации ($R^2 = 0,6$)

Таблица 2: Результаты многофакторного регрессионного анализа зависимых переменных экономического роста, безработицы, инфляции, бюджетных расходов, налоговых доходов, денежной массы.

Страны	Коэффициент	F-статистика	T-статистика	Скорректированный R ²	Количество стран	Количество наблюдений	Период наблюдений, лет
<i>Ecop_Gr – Экономический рост – зависимая переменная¹</i>							
ElecY	Славянские	-0,381	5,772	-0,380	13	303	29
	Не славянские	-0,054	2,548	-0,055	13	352	29
ElecY+1	Славянские	-0,673	5,772	-0,606	13	303	29
	Не славянские	0,032	2,548	0,033	13	352	29
<i>Unempl – Безработица – зависимая переменная¹</i>							
ElecY	Славянские	1,998	17,970	1,755	13	306	29
	Не славянские	0,507	12,620	1,002	13	356	29
ElecY+1	Славянские	2,328	17,970	2,006	13	306	29
	Не славянские	0,690	12,620	1,344	13	356	29
<i>CPI – Инфляция – зависимая переменная²</i>							
ElecY	Славянские	6,565	14,333	1,055	13	195	29
	Не славянские	-4,713	26,824	-0,991	13	214	29
ElecY+1	Славянские	3,735	14,333	0,600	13	195	29
	Не славянские	-2,755	26,824	-0,576	13	214	29

Таблица 2: (continued)

Страны	Коэффициент	F- В статистика	T- статистика	Скорректированный R ²	Количество стран	Количество наблюдений	Период наблюде- ний, лет
<i>Expens – Бюджетные расходы – зависимая переменная¹</i>							
ElecY	Славянские	-1,250	5,654	-1,346	0,123	13	233
He	славянские	0,911	39,888	1,187	0,553	13	221
ElecY+1	Славянские	-0,885	5,654	-0,938	0,123	13	233
He	славянские	0,651	39,888	0,866	0,553	13	221
<i>Tax – Налоговая нагрузка – зависимая переменная¹</i>							
ElecY	Славянские	-0,42	5,658	-0,088	0,123	13	233
He	славянские	0,450	20,666	0,966	0,384	13	222
ElecY+1	Славянские	0,341	5,658	0,703	0,123	13	233
He	славянские	0,047	20,666	0,103	0,384	13	222
<i>Bgr_m – Денежная масса – зависимая переменная¹</i>							
ElecY	Славянские	-0,447	49,859	-0,209	0,600	13	229
He	славянские	0,752	8,940	0,281	0,183	13	249
ElecY+1	Славянские	-0,539	49,859	-0,252	0,600	13	229
He	славянские	2,200	8,940	0,817	0,183	13	249

¹Независимые переменные – $lgdpr_pc$, Tr , $Pp15$, $Pp65$, GDP_HP , $ElecY$, $ElecY+1$. ²Независимые переменные – $lgdpr_pc$, Bgr_m , Tr , $Pp15$, $Pp65$, GDP_HP , $ElecY$, $ElecY+1$.

получен при наблюдениях за 229 эпизодами за 29-летний период для 13 славянских стран при использовании ими денежной массы в год выборов и в год после выборов. Спецификой является то, что в отличие от неславянских, у славянских стран не только выше значимость статистической взаимосвязи, но она имеет обратное направление. Другими словами, славянские страны в период политических выборов пытались сократить, а не увеличить денежную массу (чтобы снизить инфляцию и обеспечить рост реальных доходов): агрегат M_3 к ВВП снижался на 0,45% по сравнению с годами, когда выборов не было. И эта политика продолжалась и даже усиливалась в год после выборов, когда денежный агрегат M_3 к ВВП сокращался на 0,54%. Примечательно, что, оценивая показатель инфляции в славянских странах, был получен невысокий коэффициент детерминации, а сама инфляция в год выборов и после выборов продолжала расти относительно иных периодов. Выявленная особенность славянских стран также контрастирует с исследованиями, посвященными другим группам стран. Например, в исследованиях А. Алесина и др. на примере 18 развитых стран ОЭСР выявлена экспансионистская денежно-кредитная политика в год выборов, которая ускоряла инфляцию в год после выборов (Alesina et al., 1992, 1997). В славянских же странах, как видно, было наоборот, денежно-кредитная политика во время и после выборов была сдержанной.

Вторая особенность славянских стран – в электоральный период они не использовали бюджетный инструментарий в отличие от неславянских стран, где фиксировалась активность. Второй по значению коэффициент детерминации ($R^2 = 0,553$) среди исследуемых групп получен для 221 эпизода наблюдений за 29-летний период за неславянскими странами при использовании ими бюджетных расходов. Таким образом, неславянские страны наращивали бюджетные расходы в год выборов, чтобы стимулировать экономический рост. В электоральный год бюджетные расходы в неславянских транзитивных странах росли на 0,91% быстрее, чем в другие года, а в следующий за выборами год этот показатель снижался до 0,65%. Выявленная особенность в наблюдаемой группе неславянских стран подтверждается и иными исследованиями. Например, в работе А. Брендера и др. установлено, что за период с 1960 по 2001 годы на выборке из 1638 наблюдений в 68 странах бюджетные расходы к ВВП в год выборов по сравнению с иными периодами росли на 0,07% (Brender & Drazen, 2004). В сравнении с этим, особенностью славянских стран является как раз то, что они не использовали данный инструмент в отличие от других стран, а в случае применения славянские страны не увеличивали, а сокращали бюджетные расходы. Возможным объяснением такой экономической политики славянских стран в период выборов вновь может служить инфляция (или

рост реальных доходов с акцентом на сдерживание цен), как приоритетная отчетная задача славянских политиков перед своим электоратом, а не, например, экономический рост. При расчете влияния на зависимую переменную бюджетных расходов к ВВП в данном случае была введена дополнительная независимая переменная налоговой нагрузки к ВВП для повышения статистической значимости расчетов.

Третьей особенностью славянских стран является то, что в электоральный период у них была более высокая инфляция по сравнению с другими периодами и по сравнению с неславянскими странами. Это же объясняет и первые две особенности связанные в электоральные периоды со сдержанной денежно-кредитной политикой славянских стран и с тем, что они не использовали бюджетные инструменты. В данном случае коэффициент детерминации составил 0,492 для 195 эпизодов, наблюдаемых за 29-летний период в 13 славянских странах.

По остальным рассчитанным показателям экономического роста, безработицы и налоговой нагрузки не было получено статистически значимых результатов для выявления особенностей в славянских странах. В этом они оказались похожими с неславянскими странами, а также с развитыми странами ОЭСР, где ранее также не было найдено свидетельств сокращения безработицы и ускорения экономического роста к политическим выборам (Alesina et al., 1992, 1997).

Рассматривая специфику политических циклов деловой активности в восточных славянских странах были получены статистически более значимые результаты.

3.1 Беларусь

В Республике Беларусь за 1992–2019 гг. один из высоких коэффициентов детерминации (0,885) получен при исследовании бюджетных расходов к ВВП в электоральные периоды. Вместе с тем, наличие гипотетического бюджетного политического цикла деловой активности с ростом бюджетных расходов в Беларуси выявлено не было (как и в целом в группе славянских стран), так как бюджетные расходы были меньше как в год выборов, так и после выборов, относительно иных периодов, что, вероятно, было связано с иными приоритетами экономической политики, например, ценовой и валютной стабильностью. При исследовании валютного курса также был получен высокий коэффициент детерминации (0,904). При этом в электоральные периоды не удавалось обеспечить валютной стабильности: курс национальной валюты к доллару США колебался относительно иных

периодов значительно, как в год выборов, так и в год после выборов. Спецификой Беларуси можно назвать наличие денежного политического цикла деловой активности по показателю денежной массы (с коэффициентом детерминации равным 0,754). В год выборов денежная масса в Беларуси увеличивалась (в отличие от иных славянских стран) по сравнению с иными периодами, причем большим темпом, чем она росла в год после выборов. Рост денежной массы в Беларуси в электоральный период способствовал циклическому росту заработных плат в долларовом эквиваленте в годы политических выборов, что подтверждено иным исследованием на данных 1995–2006 гг. (Крук, Пелипась, & Чубрик, 2006).

Здесь также был выявлен достаточно значимый коэффициент детерминации при исследовании уровня безработицы (0,847), которая сокращалась в год выборов относительно иных периодов. Однако в связи с долгосрочным использованием в Беларуси в качестве параметра безработицы уровня официально зарегистрированной безработицы, а не опроса домашних хозяйств этот показатель сложно отнести к результатам экономической политики в электоральные периоды. По иным показателям экономического роста, налоговой нагрузки, текущего счета платежного баланса, инфляции в Беларуси в электоральные периоды статистически значимых результатов получено не было.

3.2 Россия

На примере Российской Федерации за период 1992–2019 гг. скорректированный R^2 при регрессионном анализе показателя денежной массы составил 0,936. При этом денежная масса в год президентских выборов в России сокращалась (как в целом в группе славянских стран), а не росла относительно других периодов, и быстрее, чем в год после выборов. Это отразилось на динамике инфляции, которая (при коэффициенте детерминации 0,984) снижалась в год выборов, относительно иных периодов, но меньше, чем в год после выборов.

При анализе экономической политики России важно учитывать взаимосвязь динамики сальдо текущего счета платежного баланса с налоговыми поступлениями и курсом российского рубля (в трех случаях получены высокие показатели скорректированного R^2 – 0,819, 0,836 и 0,879 соответственно). Текущий счет платежного баланса в России улучшался в год выборов по сравнению с иными периодами и с годом после выборов. В связи с тем, что внешнеторговое сальдо в России преимущественно зависит от динамики цен на сырьевые ресурсы, влияние властей на которые

ограничено, то едва ли на этом примере можно считать изменение этого показателя полноценным внешнеэкономическим политическим циклом деловой активности. Поступление валютных ресурсов от улучшения текущего счета платежного баланса позволило российским властям в электоральный период обеспечить валютную стабильность – незначительное укрепление российского рубля в год выборов на 0,4% по сравнению с иными периодами, что меньше, чем в год после выборов – на 2,29%. В свою очередь налоговая нагрузка в год выборов в России снижалась относительно иных периодов, а в год после выборов увеличивалась, что может свидетельствовать о наличии в стране бюджетно-налогового политического цикла деловой активности.

Еще один показатель с высоким коэффициентом детерминации (0,892) уровень безработицы увеличивался в год выборов относительно иных периодов и больше, чем в год после выборов, что не подтверждает выдвинутую гипотезу о его политической цикличности.

По показателям экономического роста и бюджетных расходов в электоральных периодах в России статистически значимых результатов получено не было.

3.3 Украина

В случае Украины за 1992–2019 гг. получены высокие коэффициенты детерминации в электоральные периоды в денежной сфере: валютный курс (0,961), денежная масса (0,917), инфляция (0,918). Спецификой Украины является наличие валютного политического цикла экономической активности: власти обеспечивали валютную стабильность в электоральные периоды, допуская девальвацию национальной валюты в год президентских выборов всего на 0,015% относительно иных периодов, а в год после выборов – на 0,5%. Денежная масса увеличивалась в Украине в год выборов, но чуть меньшим темпом, чем в год после выборов, что не позволяет говорить о строгой цикличности в этой сфере. При этом рост денежной массы не приводил к инфляции, которая снижалась в год выборов относительно иных периодов, хотя и меньшим темпом, чем это происходило в год после выборов.

Бюджетная сфера также показала высокие показатели скорректированного R^2 в электоральные периоды: бюджетные расходы (0,912), налоговая нагрузка (0,827). Бюджетные расходы в год выборов в Украине не росли, а сокращались. По показателю налоговой нагрузки в стране наблюдался бюджетный политический цикл деловой активности, когда налоговая

нагрузка снижалась в год выборов, а затем увеличивалась в год после выборов.

По иным рассматриваемым в методике зависимым показателям экономического роста, безработицы и текущего счета платежного баланса статистически значимых результатов на примере Украины получено не было.

Таким образом, в группе восточных славянских стран отмечается схожесть (совпадения) в России и Украине по использованию валютного курса и налоговой нагрузки для демонстрации положительных результатов экономической политики в электоральные периоды. В свою очередь, в Беларуси зафиксировано использование денежной массы в период президентских выборов, что циклически отражалось на динамике зарплат в долларовом выражении.

4 Экономический рост и политические предпочтения в славянских странах

В результате использования метода бинарной логистической регрессии были установлены тесные взаимосвязи ($R^2 = 1$) между экономическим ростом, отдельными политическими показателями и политическими предпочтениями «экспертов» как для 36 наблюдений за трехлетний период для 12 славянских стран, так и для 33 наблюдений за тот же период для 11 неславянских стран (Таблица 3). Кроме того, такой же высокий коэффициент детерминации получен и с предпочтениями «сильного лидера» в группе наблюдений за неславянскими странами. В отношении предпочтений политических систем «военных» и демократии данный метод не дал статистически значимых результатов влияния экономического роста на политические предпочтения. Также не удалось получить взаимосвязи в группах славянских и неславянских стран между политическими предпочтениями и восприятием демократии, как государственной поддержки безработных. Таким образом, в данном случае, как и в предыдущем нельзя сделать обобщающий вывод о влиянии экономического роста на все политические предпочтения во всех славянских странах. Тем не менее, можно выделить две особенности славянских стран.

Первая особенность славянских стран – низкий (относительно неславянских стран) уровень влияния экономического роста на политические предпочтения «экспертов». Другими словами, предпочтения славянами «экспертов» для проведения экономической политики в меньшей степени

Таблица 3: Результаты бинарной логистической регрессии зависимых переменных предпочтений «сильного лидера» и «экспертов».

Страны	Ехр (В) эко- номический рост	Ехр (В) демо- кратия – это нало- гообложение богатых	Ехр (В) демократия – это господдержки безработных	Ехр (В) демо- кратия – это выравнивание доходов	R ² - Нэйджелкерка	Общая про- центная доля	Количество наблюдений
<i>Уровень поддержки «сильного лидера» - зависимая переменная</i>							
Славянские	2,852	4,673	-	0,496	0,545	58,3	36
Неславянские	-	-	-	-	1,000	72,7	33
<i>Уровень поддержки «экспертов» - зависимая переменная</i>							
Славянские	8,544	0,000	-	0,633	1,000	83,3	36
Неславянские	195008434.5	0,000	-	-	1,000	90,9	33

зависели от результатов их работы (например, от экономического роста), чем среди неславянских стран.

Вторая особенность славянских стран – низкая (по сравнению с неславянскими странами) взаимосвязь между экономическим ростом и политическими предпочтениями «сильного лидера». Коэффициент детерминации в группе славянских стран был на относительно низком уровне 0,545, а в группе неславянских – 1,000. Высокая взаимосвязь экономического роста и предпочтений «сильного лидера» в неславянских странах возможно здесь связано с группой выборки неславянских стран, в которую попали страны с популярными «сильными лидерами», такие как, например, Азербайджан, Венгрия, Казахстан, Таджикистан.

Таким образом, экономический рост едва ли может служить предиктором изменения политических предпочтений в славянских странах. Рассматривая в этом контексте «демократические ножницы» установлено, что из 11 славянских стран в 10 (кроме Украины) за одиннадцатилетний период наблюдалось снижение индекса демократии и рост демократических предпочтений в обществе. В Украине, как будет рассмотрено далее, с учетом произошедшей в 2014 г. революции предпочтения демократии к 2020 г. сократились. В свою очередь «демократические ножницы» отмечались только в 3 (Азербайджане, Венгрии и Кыргызстане) из 11 неславянских странах, что не является общим трендом для транзитивных стран. Значит, появление «демократических ножниц» в славянских странах за последнее десятилетие является их очередной особенностью и предиктором политической турбулентности. Вместе с тем, в восточных славянских странах в периоде 1994–2019 гг. наблюдается и индивидуальная специфика взаимосвязи экономического роста и политических предпочтений.

4.1 Беларусь

С 1994 по 2004 годы среднегодовой экономический рост в Беларуси был 2,64%, что сопровождалось увеличением предпочтений политических систем «экспертов» (на 19 п.п.), «военных» (на 4 п.п.), демократии (на 1 п.п.) и падением предпочтений «сильного лидера» (Рисунок 1). В период с 1999 по 2009 годы в Беларуси отмечался высокий экономический рост с темпом более 5%. За тот десятилетний период высоких темпов роста выросли предпочтения политической системы «сильного лидера» (на 28 п.п.). Поддержка систем «экспертов» и «военных» в Беларуси в то десятилетие сократилась, а демократии выросла. Еще один пример высоких темпов роста (более 5%) в Беларуси был период с 2005 по 2014 годы. Тогда это

Рисунок 1: Среднегодовой экономический рост и предпочтения политических систем в Беларуси в 1994–2019 гг.

(суммарные ответы «очень хорошо» и «достаточно хорошо»). Источник: расчеты автора по данным Всемирного банка и Всемирного обзора ценностей (2021; 2020).

сопровождалось падением предпочтений «сильного лидера», ростом предпочтений демократии на 13 п.п. и системы «экспертов» на 4 п.п. В последнем десятилетии с 2010 по 2019 гг. в Беларуси отмечалось падение среднегодового экономического роста, что сопровождалось повышением предпочтений системы «военных» – на 14 п.п., системы «сильного лидера» – на 15 п.п., «экспертов» – на 9 п.п., демократии – на 2 п.п.

Корреляции между экономическим ростом и политическими предпочтениями в Беларуси если и есть, то незначительные. Наиболее высокие коэффициенты корреляции (но с небольшими значениями) между темпом экономического роста в Беларуси и уровнем предпочтений у системы «военных» ($-0,34$) и демократии ($-0,27$), то есть чем меньше экономический рост, тем больше их поддержка. У остальных политических систем корреляция с экономическим ростом в Беларуси около 0. Поэтому здесь скорее можно сделать вывод, что политические и экономические процессы в Беларуси развиваются не связано друг с другом. Несмотря на ухудшающуюся динамику экономического роста за последние десять лет в Беларуси, по данным Всемирного обзора ценностей, улучшилось отношение белорусов ко всем политическим системам, вырос общий интерес к политике с 40%

(положительных ответов) до 44%, а также повысились ценности политики с 31% до 40% (2020).

Примечательно, что за последние десять лет усиление политических предпочтений в Беларуси и повышение демократических ценностей сопровождалось изменениями в понимании белорусами самой демократии. В 2017–2019 гг. под демократией они понимали главным образом свободные выборы – 79% ответов с оценками 6 и выше по шкале от 1 до 10 от слабого к сильному (рост с 69% в 2010–2014 гг.). Кроме того, у белорусов понимание демократии было связано с гражданскими правами по защите свободы от притеснения – 78% (уровень не изменился), с гендерным равенством – 78% (рост с 70%). Лишь затем белорусы понимали демократию с экономической точки зрения, как государственную поддержку безработных – 75% (рост с 66%), государственное выравнивание доходов населения – 59% (рост с 55%), подчинение людей своим правителям – 54% (рост с 44%), налогообложение богатых и субсидирование бедных – 53% (рост с 50%). Таким образом, эти данные показывают, что в понимании демократии приоритетом для белорусов были именно политические, а не экономические факторы.

4.2 Россия

Анализ динамики экономического роста и политических предпочтений в России можно наглядно провести на последнем десятилетии, когда среднегодовой рост был менее 2%. В тот период в стране выросли предпочтения только к политической системе «военных», к демократии – не изменились, оставаясь на низком относительно других стран уровне; к «сильному лидеру» и «экспертам» – сократились (Рисунок 2). При этом замедление экономического роста сопровождалось ухудшением в России и иных показателей развития человеческого капитала, технологий, что формировало в стране соответствующую политэкономическую атмосферу (Saradzhyan, 2016, с. 399–418). Пример России примечателен тем, что он один из не многих, где политические предпочтения демократии и «сильного лидера» во временных промежутках в 1994–2004 гг. и в 2010–2014 гг. находились на примерно одинаковом уровне друг с другом. Как правило, в других странах (в т.ч. славянских) демократические предпочтения значительно превышают все остальные и находятся на уровне не ниже 80%, вне зависимости от того, как люди понимают демократию. Да, и восприятие «сильного лидера» в России может искажаться, например, если оценивать его и сравнивать с другими странами по ряду экономических показателей (Wilson, 2021).

Рисунок 2: Среднегодовой экономический рост и предпочтения политических систем в России в 1994–2019 гг.

(суммарные ответы «очень хорошо» и «достаточно хорошо»). Источник: расчеты автора по данным Всемирного банка и Всемирного обзора ценностей (2021; 2020).

Корреляционная взаимосвязь между темпом экономического роста и предпочтениями политических систем в России наблюдалась лишь с системой «военных», и относительно высокая. Чем меньше темп экономического роста, тем выше были у россиян предпочтения «военных» (коэффициент корреляции $-0,69$). У остальных политических систем, в том числе и демократии коэффициент корреляции не превышал $|0,16|$, с отрицательной зависимостью между экономическим ростом и поддержкой «экспертов» и положительной – между экономическим ростом и поддержкой «сильного лидера» и демократии.

Таким образом, в отличие от Беларуси в России просматривается большая взаимосвязь между экономическим ростом и политическими предпочтениями. Это подтверждает и анализ понимания россиянами демократии и его изменения. За последнее десятилетие экономические объяснения демократии у россиян далеко не отставали от политических. Главным образом под демократией в условиях низкого экономического роста россияне в 2017–2020 гг. понимали свободные выборы – 82% ответов с оценками 6 и выше по шкале от 1 до 10 от слабого к сильному (рост с 80% в 2010–2014 гг.). Права защищать свободу от притеснения – 79% (рост с 78%) и гендерное равенство – 79% (снижение с 81%). Получение господдержки

безработным – 76% (падение с 78%), налогообложение богатых и субсидирование бедных – 74% (рост с 68%), выравнивание доходов населения – 69% (уровень не изменился), подчинение властям – 64% (рост с 57%).

4.3 Украина

Специфика данного примера в нарастании политических предпочтений (кроме системы «военных») до 2014 года и их падения после, что связано больше с произошедшей революцией и последовавшими военными действиями на территории страны с того года, чем с динамикой экономического роста (Рисунок 3). Поэтому период после 2014 года в Украине очевидно характеризовался не влиянием экономики на политику, а политики на экономику. Примечательно здесь также то, что, как отмечалось во введении, именно отличия украинского языка от русского, ориентация страны на западный, а не восточный регион и сегментация истории сыграли свою роль базиса для военного конфликта в стране (Arel, 2018, с. 186–189; Pop-Eleches & Robertson, 2018, с. 107–118).

Рисунок 3: Среднегодовой экономический рост и предпочтения политических систем в Украине в 1994–2019 гг.

(суммарные ответы «очень хорошо» и «достаточно хорошо»). Источник: расчеты автора по данным Всемирного банка и Всемирного обзора ценностей (2021, 2020).

С учетом изложенного, взаимосвязь между экономикой и политикой на примере Украины корректнее искать именно в 1994–2014 гг. В тот период наибольшая корреляция была между экономическим ростом и предпочтениями «военных» (0,52), «сильного лидера» (0,41), демократии (0,36).

Период с 2010 по 2019 г. на примере Украины представляет интерес с точки зрения, как военные события, которые начались в 2014 году, повлияли на восприятие украинцами демократии и на динамику политэкономических факторов. Наибольшее значение в понимании демократии среди украинцев в 2017–2020 гг. имело гендерное равенство – 85% (чуть снизившись с 87% в 2010–2014 гг.). Далее на одном уровне в 81% идут свободные выборы (снизившись с 89%), а также господдержка безработных (также сократившись с 89%). Еще популярным определением демократии в Украине были защита гражданских прав – 77% (снижение с 88%), равенство доходов – 73% (против 79% в прошлом периоде), налогообложение богатых и субсидирование бедных – 69% (снижение с 79%), подчинение властям – 53% (рост с 49%). Таким образом, экономические определения демократии входят в число популярных в Украине при сравнении довоенного и военного периодов.

Взглянув на все три примера восточнославянских стран можно увидеть не только отличия между ними, но и некую синхронность динамики экономического роста и политических предпочтений. С одной стороны, это обусловлено торговыми, инвестиционными, родственными связями между тремя странами. Например, для Беларуси Россия и Украина являются крупнейшими торговыми партнерами, и конфликт между ними отражается на внешней торговле и экономическом росте в Беларуси (Rudy, 2020, с. 140). С другой стороны, на рисунках 1–3 видно, как рост политических предпочтений демократии в Украине достиг пика 85% к 2014 году, в Беларуси в 87% к 2020, что вылилось в этих странах при определенных условиях в политическую турбулентность (в отличие от России, где этот показатель был на уровне 68%).

5 Выводы

По итогам исследования отдельных вопросов политической экономии в славянских странах можно сделать следующие выводы.

1. На данных за 1991–2019 гг. для группы из 13 славянских стран не получено статистически значимых результатов, подтверждающих гипотезу о наличии политических циклов деловой активности, когда власти в электоральный период используют инструменты экспансионистской

экономической политики для улучшения макроэкономической ситуации, а в постэлекторальный период политические стимулы пропадают, и экономическая политика становится более сдержанной. Вместе с тем, установлено, что в электоральный период славянские страны сталкиваются с более высоким уровнем цен по сравнению с другими периодами и по сравнению с неславянскими транзитивными странами. В этой связи, приоритетом экономической политики славянских стран в электоральные периоды становится инфляция, и для ее снижения они сокращают денежную массу, а также менее склонны использовать бюджетные инструменты по сравнению с неславянскими странами.

2. За период 1992–2019 гг. для восточных славянских стран (Беларуси, России и Украины) общих региональных особенностей политических циклов деловой активности выявлено не было. Спецификой Беларуси является увеличение денежной массы в год выборов и ее сокращение в год после выборов, что создает цикличность средней заработной платы в стране в долларовом выражении. В политических циклах деловой активности России и Украины обнаружены совпадения, когда власти двух стран к выборам обеспечивали стабильность валютного курса и снижали налоговую нагрузку, а после выборов позволяли валютному курсу колебаться более высокими темпами, а налоговая нагрузка росла.
3. На основе данных за 2017–2019 гг. для 11 славянских стран не установлено, чтобы экономический рост влиял на все политические предпочтения. В то же время выявлены статистически значимые зависимости между экономическим ростом и предпочтениями политической системы «экспертов». При этом в славянских странах в меньшей степени, чем в неславянских транзитивных государствах экономический рост приводит к увеличению предпочтений «экспертов». Кроме того, в славянских странах по сравнению с неславянскими не найдена статистически значимая взаимосвязь между экономическим ростом и политическими предпочтениями «сильного лидера».
4. В результате наблюдений 11 славянских стран за период 2010–2020 гг. установлено, что в 10 странах отмечаются «демократические ножницы», означающие снижение индекса демократии при одновременном росте политических предпочтений демократии в обществе. Тренды такой направленности отмечаются только в 3 из 11 неславянских транзитивных стран. Таким образом, «демократические ножницы» являются особенностью славянских стран, которая может служить предиктором политической турбулентности.
5. За период 1994–2019 гг. не выявлено общей региональной компоненты во влиянии экономического роста на политические предпочтения для

восточных славянских стран (Беларуси, России, Украины). Для Беларуси не установлено тесных корреляций между экономическим ростом и политическими предпочтениями. При этом в последнее десятилетие там отмечается рост политической активности, увеличение всех политических предпочтений, а под демократией белорусы все больше стали понимать преимущественно политические, а не экономические процессы. Спецификой России стала выявленная обратная корреляционная взаимосвязь между экономическим ростом и предпочтениями «военных». Также особенностями российского случая являются низкие предпочтения демократии (по сравнению с другими странами), а также их сопоставимый уровень с предпочтениями «сильного лидера». Для Украины военный конфликт и революция исказили результаты исследования после 2014 г., когда все политические предпочтения (кроме «военных») стали падать. При этом военные действия не повлияли на уровень понимания украинцами демократии, в т.ч. как экономических процессов. Таким образом, в отличие от Беларуси, где сильных взаимосвязей между политическими и экономическими процессами не выявлено, от России, где экономический рост связан с предпочтениями «военных», в Украине экономические процессы имеют большую связь с предпочтениями демократии.

Список литературы и источников

- Alesina, A., Cohen, G., & Roubini, N. (1992). Macroeconomic policy and elections in OECD democracies. *Economics & Politics*, (4), 1–30.
- Alesina, A., Roubini, N., & Cohen, G. (1997). *Political cycles and the macroeconomy*. Boston: MIT Press.
- Arel, D. (2018). How Ukraine has become more Ukrainian. *Post-Soviet Affairs*, 34(2–3), 186–189.
- Brender, A., & Drazen, A. (2004). *Political budget cycles in new versus established democracies*. NBER. <https://www.nber.org/papers/w10539>
- Djankov, S. (2014). Bulgaria: The greatest vacillations. In A. Aslund & S. Djankov (Eds.), *The great rebirth*. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics.
- EBRD. (2021). Transition report archive (2004–2013). <https://www.ebrd.com/publications/transition-report-archive>
- EG. Democracy Assistance and Election News. (2021). <https://www.electionguide.org/>
- EIU. (2020). Democracy Index 2019. <https://www.eiu.com/topic/democracy-index>
- Guriev, S., & Papaioannou, E. (2020). *The political economy of populism*. CEPR. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3542052
- Hauptman, L., Kubicova, J., & Rudy, K. (2006). Comparative analysis of Slovak, Slovenian and Belarus Tax Measures to Support Innovations and Research. In R. Wang (Ed.), *Knowledge Economy — New Challenges for National Economy Science: Materials of International scientific conference*. Bratislava: University of Economics in Bratislava.

- Havrylyshyn, O. (2014). Ukraine: Greatest hopes, greatest disappointments. In A. Aslund & S. Djankov (Eds.), *The great rebirth*. Washington D.C.: Peterson Institute for International Economics.
- Johnson, J. (2016). *Priests of prosperity: How central banks transformed the postcommunist world*. New York: Cornell University Press.
- Lipset, S. (1959). Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy. *The American Political Science Review*, 53(1), 69–105.
- Mill, J. (1909). *Principles of political economy with some of their applications to social philosophy*. New York: Longmans Green & Co.
- Mramor, D., & McGoun, E. (2002). Privatization and the capital market in Slovenia. In A. Young, I. Teodorovic & P. Koveos (Eds.), *Economic transition. Conception, status and prospects*. New Jersey: World Scientific.
- Nusinovic, M., & Teodorovic, I. (2002). The privatization process in Croatia. In A. Young, I. Teodorovic & P. Koveos (Eds.), *Economic transition. Conception, status and prospects*. New Jersey: World Scientific.
- Persson, T., & Tabellini, G. (2002). *Do electoral cycles differ across political systems?* IGIER. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=392643
- Pop-Eleches, G., & Robertson, G. (2018). Identity and political preferences in Ukraine – before and after Euromaidan. *Post-Soviet Affairs*, 34(2–3), 107–118.
- Ricardo, D. (1908). *Principles of political economy and taxation*. London: George Bell and Sons.
- Rudy, K. (2020). *State capitalism reforms and the path for Belarus*. London: Cambridge Scholars Publishing.
- Sandel, M. (2020). *The tyranny of merit. What's become of the common good*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Santos Gonzales, Y., & Martinez-Martinez, Oscar A. (2020). Dissatisfaction with Democracy in Latin America. Analysis of economic and political factors in 2017. *Universitas*, (32), 149–166.
- Saradzhyan, S. (2016). Is Russia declining? *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 24(3), 399–418.
- Scartascini, C., Cruz, C., & Keefer, Ph. (2018). The database of political institutions. <https://doi.org/10.18235/0001027>
- WB. (2021). The world bank open data. <https://data.worldbank.org/>
- Welzel, Ch. (2013). *Freedom rising: Human empowerment and the quest for emancipation*. Ch. Welzel. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilson, K. (2021). Is Vladimir Putin a strong leader? *Post-Soviet Affairs*, 37(1), 80–97.
- WVS. (2021). World values survey. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>
- Бузгалин, А.В., & Колганов, А.И. (2016). Политическая экономия и экономическая политика. *Terra Economicus*, (14), 27–47.
- Клейнер, Г.Б. (2015). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 1. *Вопросы экономики*, (12), 107–123.
- Клейнер, Г.Б. (2016). Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Часть 2. *Вопросы экономики*, (1), 117–138.
- Крук, Д., Пелипас, И., & Чубрик, А. (2006). *Основные макроэкономические взаимосвязи в экономике Беларуси: результаты эконометрического моделирования*. Минск: Исследовательский центр ИПМ.
- Рудый, К.В. (2015). Почему реформы не получатся (в Беларуси в 2016 году)? <http://kef.research.by/webroot/delivery/files/dp2015r08.pdf>

- Рудый, К.В. (2021). О политэкономии финансовой стабильности. *Банковский вестник*, (2), 3–12.
- Улунян, А.А. (2020). Европейские члены СЭВ и «Третий мир»: экономической помощи в оценках ЦРУ США (1965–1975 годы). *Славяноведение*, (3), 64–77.
- Фриден, Дж. (2020). Политическая экономия экономической политики. *Финансы и развитие*, (Июнь), 4–9.